

Любопытна также и другая черта в этом использовании фольклора в летописи. В XI в. эпические предания были в большинстве случаев приурочены к определенным местностям: к урочищам, рвам, могилам и т. д. Эта местная приуроченность еще ощущается в „описании“ Тверского сборника, где Александр Попович выступает как местный герой и где есть ссылки на насыпи, могилы и т. д. В последующих этапах развития эпоса об Александре Поповиче этих ссылок уже нет: местные воспоминания превратились в общерусский эпос. И любопытно, что летопись XV—XVI вв. почти не обращается к „свидетельству“ местных памятников, как она постоянно обращалась к ним в XI в.

Вхождение фольклора в летопись совершается тем легче, чем ближе описываемые в летописи исторические факты к повествованию исторического предания или песни. С этой точки зрения нельзя не обратить внимания на то, что древнейшие предания об Александре Поповиче ставят его в исторически точную ситуацию (князь Константин Всеволодович и его враги, князь Мстислав Романович Храбрый, Липицкая битва, точная местная приуроченность отдельных событий и т. д.). Поэтому-то этот древнейший этап сказаний об Александре Поповиче отразился в летописи гораздо ярче, чем позднейший, где действие более обобщено, рассказано суммарно и где не точно различаются даже события княжения Владимира Всеволодовича от событий времени Владимира Святославича.

Но самым знаменательным фактом является в значительной мере общая судьба в XV—XVI вв. некоторых „устных летописей“ (былин) и летописей письменных: и те и другие из местных становятся общерусскими, объединяются в общерусские циклы и своды, опираясь на наследие Киева (в летописи на основе „Повести временных лет“). Реальное основание этой общей судьбы некоторых памятников устного эпоса и летописи в XV—XVI вв. — объединение в единое общерусское централизованное государство местных русских княжеств. Эпос отражает реально совершающиеся исторические процессы не в частных „исторических реминисценциях“, но в общем своем движении от узко-местного к общерусскому.

Что же касается до вопроса о том, какое историческое лицо явилось прототипом для былинного Александра Поповича, то старшие летописи не дают никаких оснований для ответа на этот вопрос. Поздние летописи включают рассказы об Александре Поповиче, почерпнутые из былин, а не из действительности, и отражают лишь важные для нас факты истории сюжетосложения былин об Александре Поповиче.